

ставляется жалкимъ и безсильнымъ рационалистическимъ построениемъ. Но это религіозно-философское завершение теоріи Шелера уже выходитъ за предѣлы специально антропологической проблемы, какъ таковой.

С. Франкъ.

WILFRED MONOD. Du protestantisme. (Серія Les religions. Felix Alcan, 1928).

W. Monod принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся представителей французскаго протестантизма, и появленіе его книги, посвященной характеристикѣ протестантизма, не можетъ не вызвать самаго живого интереса къ себѣ. Кто лучше и глубже можетъ открыть намъ существо протестантизма, какъ не его яркіе представители? Къ сожалѣнію, съ самыхъ же первыхъ страницъ книги Monod читателемъ овладѣваетъ разочарованіе, которое лишь усиливается по мѣрѣ приближенія къ концу книги. Буду сейчасъ говорить не о литературныхъ и богословскихъ особенностяхъ книги, а только о томъ религіозномъ впечатлѣніи, которое она оставляетъ: *такой* протестантизмъ, какимъ его изображаетъ Monod, есть столь глубокое непониманіе христіанства, что его дальнѣйшее и окончательное разложеніе не за горами. Я не имѣю никакихъ основаній обобщать, думаю скорѣе, что и во французскомъ, а особенно нѣмецкомъ, скандинавскомъ, англо-саксонскомъ протестантизмѣ, при всѣхъ его догматическихъ ошибкахъ, христіанство держится крѣпко и сильно, — но знаю и то, что тенденціи Monod вовсе не одиноки. На дняхъ мнѣ попалась небольшая книга нѣкоего Francus подъ названіемъ: «Il n'y a pas de protestants». Книга написана протестантомъ и имѣетъ любопытный подзаголовокъ: «Ouvrage refusé par toutes les maisons d'édition protestantes». Эта книга, не принятая ни однимъ протестантскимъ издательствомъ, по существу написана въ духѣ тенденцій того-же Monod.

Главная мысль Monod — въ его ученіи о «вѣчномъ протестантизмѣ»: послѣдняя часть его книги озаглавлена, напр., такъ — «Къ вселенскому спиритуализму черезъ вѣчный протестантизмъ». Monod не хочетъ имѣть дѣло съ исторіей, для него протестантизмъ есть вообще торжество спиритуальности, духовнаго воспріятія и пониманія религіозной сферы; неслучайно поэтому, что историческому протестантизму отведено всего лишь нѣсколько страницъ среди 245 стр. книги. Мало этого: Monod разыскиваетъ элементы «вѣчнаго протестантизма» и въ пророкахъ, и въ первоначальной христіанской общинѣ, и у ап. Павла.

Такой способъ приблизить своего читателя къ пониманію «сущности» протестантизма ведетъ къ столь абстрактному толкованію принциповъ христіанства, что вся исторія христіанства представляется сплошнымъ искаженіемъ и заблужденіемъ. Я еще понимаю, когда одинъ американскій мыслитель безъ всякихъ стѣсненій заявилъ, что Лютеръ исправилъ І. Христа и очистилъ Его ученіе: это хотя и слишкомъ грубо, но все же признаетъ исторію христіанства, какъ нѣкую, хоть и изжитую, но въ свое время цѣнную стадію въ развитіи религіознаго сознанія. У Monod же въ исторіи христіанства идетъ вѣчная борьба между принципомъ духовности и тенденціями сакраментализма и ритуализма. Нечего и говорить, что Monod знакомъ лишь съ католической догматикой, которую онъ отождествляетъ съ сущностью христіанства въ его церковномъ пониманіи: о православномъ мірѣ, о которомъ мелькомъ Monod все же упоминаетъ, у него самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Въ исторіи догматики онъ распоряжается столь самовластно и упрощенно, что вся огромная работа вселенскихъ соборовъ не удостоивается ни малѣйшаго вниманія, и онъ мимоходомъ лишь небрежно и свысока отзывается о Никейскомъ соборѣ. Собственныя догматическія утвержденія Monod высказываются въ столь упрощенной и не-солидной формѣ, что здѣсь не съ чѣмъ просто считаться. Отъ книги вѣетъ и слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ величайшимъ темамъ христіанства, скольженіемъ по периферіи проблемъ. Порой досада настолько овладѣваетъ читателемъ, что хочется самъ протестантизмъ защищать отъ такого истолкованія его.

Горькое и угрюмое чувство оставляетъ книга Monod, Протестантизмъ всюду вступилъ въ періодъ остраго догматическаго кризиса — и поскольку этотъ кризисъ опредѣляется внутренней неудовлетворенностью, безцерковностью въ протестантизмѣ, поскольку въ немъ есть исканіе полноты Христовой истины и ея конкретнаго осуществленія въ жизни, постольку этотъ кризисъ протестантизма плодотворенъ и приближаетъ его къ Церкви. Даже социальный идеализмъ который въ послѣднее время часто впитываетъ въ себя религіозныя движенія души, идетъ на встрѣчу этому, — не говоря уже о разнообразныхъ т. наз. интерконфессіональныхъ міровыхъ организаціяхъ, въ которыхъ такъ сильно проявляется потребность жизненнаго христіанства, т. е. Церкви. Но то теченіе, которое представляетъ Monod, можетъ развиваться лишь въ сторону дальнѣйшаго утонченія, все дальше уходя отъ самой основы христіанства. Мы живемъ въ эпоху, когда подъ покровомъ различныхъ движеній, конгрессовъ, объединеній совершается таинственный процессъ срастанія членовъ Церкви Христовой, — и въ этотъ процессъ вовлеченъ и протестантскій міръ, даже больше, чѣмъ

онъ это сознаеть и этого хочеть. Но теченія, которыя хотять все большей спиритуализаціи христіанства, содѣйствуютъ лишь вывѣтриванію и распаду религіозныхъ силъ. Протестантизмъ, въ цѣломъ, глубже, сильнѣе и значительнѣе, чѣмъ хочеть его предъ нами представить Monod. Читатель, недостаточно слѣдящій за современной протестантской литературой, долженъ это имѣть въ виду, если ему попадется въ руки книга Monod.

В. В. Зѣньковскій.

АНГЕЛОЛОГИЯ И УЧЕНІЕ О СВ. СОФІИ ПРЕМУДРОСТИ БОЖІЕЙ.

(По поводу новой книги о. Сергія Булгакова).

Ученіе о Софіи есть особый пріемъ или методъ богословствованія, хотя въ его полнотѣ свойственный только православію, но нѣкоторыми сторонами своими почувствованный и воспринятый западными мыслителями (напр. Гильбертомъ Порретанскимъ, Яковомъ Беме и др.), а также — неправославнымъ востокомъ (напр. гностиками). Можно сказать, что православный гносисъ — въ смыслѣ *γνωστικὴ πίστις* Климента Александрійскаго явно или неявно одушевленъ софійностію твари и есть явная или тайная софіелогія. Такіе богословы-мыслители какъ о. Павелъ Флоренскій и о. Сергій Булгаковъ характеризуются въ своемъ творествѣ опредѣленностью и явностью софійныхъ формулировокъ и постановкой ихъ во главу угла своей религіозной гносеологіи, а не простой только наличностью — каковая, какъ мы сказали — всюду почти имѣется тамъ, гдѣ есть подлинно-православная богословская интуиція и одушевленіе. Объясняется это тѣмъ, что исходный моментъ православія есть нераздѣльное сочетаніе теантропоцентризма (Богочеловѣчества въ основѣ), Троичной омоусіи (единосущія), космологіи и сотериологіи (ученія о спасеніи). Въ теантропоцентризмѣ же послѣдній неразрывно связанъ съ маріологіей (уч. о Богоматери). Основной принципъ теантропизма (Богочеловѣчества) есть пребываніе Бога въ неслиянной и нераздѣльной связи съ тварію черезъ впостась Слова — «Божіей Силы и Божіей Премудрости» (I Кор. 1, 24). Этимъ устанавливается «третье данное» (*tertium datur*) — характерный признакъ христіанства вообще (ср. терминъ *der Mittler* протестантскаго богословія) и православія въ особенности, которое гностически (религіозно-гносеоло-